

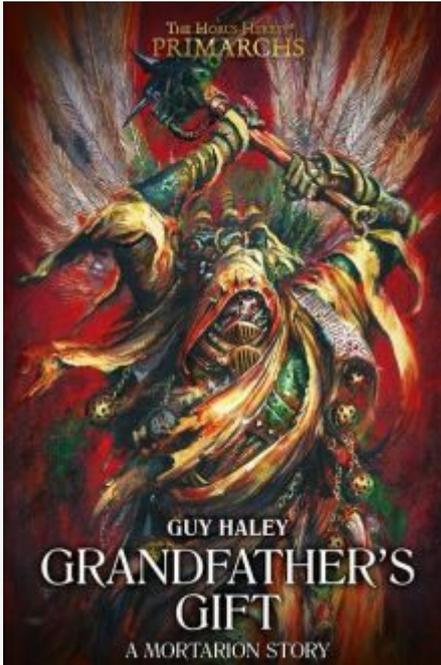
Дедушкин подарок / Grandfather's Gift (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

**Дедушкин подарок / Grandfather's
Gift (рассказ)**

Автор	Гай Хейли / Guy Haley
Переводчик	Йорик
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Примархи / Horus Heresy: Primarchs
Год издания	2017
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Когда-то существовало создание, разделившее себя. Противоположное во всех аспектах своего бытия, противоречивое, обречённое. Человек, который не был человеком. Колдун, ненавидевший магию. Спаситель, отдавшийся проклятию. Возлюбленный сын, ненавидевший своих отцов. Но затем он забыл обо всём, и, пробудившись на илистом мхе, не смог почти ничего вспомнить. На благословенные мгновения он освободился от прошлого и предрассудков, познав покой.

Но так не могло продолжаться вечно. Частью его была жажда знаний, пусть он однажды лицемерно осудил брата, стремившегося к ним. Разум начал постигать окутавший его саван из плоти и мгновенно осознал, что он был собой. Так встал на место первый фрагмент головоломки, и так начало ускользать спокойствие.

Он был создан в обличье человека мужского пола с зеркальной симметрией, свойственной творениям Терры, руками и ногами потомков обезьян. Но он не был человеком. Люди были маленькими и слабыми, но он был сильным и улучшенным – человеком, сотворенным богом. Его плотская оболочка вмещала бессмертные силы. Вспомнив это, он сразу осознал, что всегда понимал это лучше, чем другие братья...

У него были братья. Покой отступил ещё дальше, а горечь заполнила пустоту.

Он сел, опершись сильными руками на поляну, и из-под просевшей земли хлынула грязная вода. Нечеловек завороченно посмотрел на чёрные деревья, которые осторожно тянули к нему из тумана тонкие ветки. В ноздри ударил мерзкий запах болотных газов, разбудив новое воспоминание. Рука потянулась к горлу и лицу, ища механизм, что сочетал в себе газообменник и испаритель, закрывал рот и наполнял лёгкие привычным воздухом юности. Но он не нашёл ничего, и тогда разум захлестнули воспоминания об окутанных дымкой горах, а с ними, словно шар по трубе, на язык скатилось имя. Его имя.

- Мортарион, - произнёс он. - Я Мортарион.

Он поднялся на ноги и посмотрел на окружающие поляну хрупкие деревья. Среди них не двигалось ничего, кроме клубов пара, несомых слабеющим ветром. Мортарион посмотрел на себя - высокого, худощавого и вытянутого, измождённого, но жилистого и наделённого несокрушимой силой. На лицо спадали длинные и тонкие волосы, а одет Мортарион был в простые серые штаны и накидку с плащом. Он никогда не одевался так и знал это. Вокруг не было ни следа ни газосмесителя, ни пистолета-Лампиона, ни барбарусской брони, ни его косы, называемой Безмолвием. Он не видел ничего из столь привычного снаряжения. Мортарион вновь огляделся, возможно, ожидая, что его вещи свалены у подножия дерева, но не нашёл их и там.

А затем он осознал другую странность. Его обличье... когда-то Мортарион был таким, но не теперь, когда произошли изменения. Генетический шедевр второго отца был усовершенствован иными дарами, сделавшими его привычным к любой боли и страданию наградами от истинного божества, а не ложного бога, которым был его первый отец. Его воссоздали, сделав Повелителем Смерти. Но всё же он стоял здесь таким же неизменным как в день, когда второй отец пришёл найти его. Мортарион помнил свет и разочарование, а ещё ненависть, свернувшуюся в его душе подобно засохшей крови. Было ли это лишь сном? Он не знал. Не мог знать. Мортарион был вновь таким же, каким был так давно... или совсем недавно. Он изменился, не меняясь. Казалось, что верно и то, и другое.

- Барбарус? - прошептал он, и затхлый воздух содрогнулся. Нет, конечно же это был не Барбарус. Самая мысль стала абсурдной, едва он произнёс её вслух, ведь Барбаруса больше не было, и теперь у Мортариона был новый дом. В его память стучались смутные воспоминания. Его лаборатория высоко в туманах мира, так похожего на Барбарус, но бесконечно худшего. Эксперименты с тайными технологиями. Плоды его триумфа над жалким колдовством. Технологии, которые он стремился усовершенствовать... целью были не они, но ей являлось что-то другое.... Что-то, что Мортарион искал, к чему стремился годами. Он недоволено скривился от осознания, что не может вспомнить, что так хотел добыть.

В его разуме больше не было знаний, и потому, как и подобает учёному, он обратился к наблюдениям – важнейшему инструменту рациональных исследователей. Поляну покрывал изумрудно-зелёный мох, так высоко выросший, что его ноги погружались по щиколотки, пачкая подвороты. Её окружали чёрные деревья, тянущиеся ко мху, словно хищники к стаду. Заметив ведущую с поляны тропу из разбитых камней, Мортарион, следуя мимолетному порыву, пошёл по ней.

Он вышел на широкое поле – квадратное, а значит, подумал Мортарион, созданное намеренно, разделённое на грядки плодородной земли тропами. Из почвы вырывались столь разнообразные растения, что их наверняка высаживали здесь специально. Но на этом заканчивались все следы трудов неведомого творца, и отсутствие заботы скрывало красоту собрания. Тропы заросли грибами. Живая изгородь разрослась, а её гниющие ветви и корни взворошили землю. Памятник в центре так зарос мёртвой порослью, что его форма была неразличима.

– Сад, – сказал Мортарион, закрывая глаза, и глубоко вдохнул влажный воздух. – Это сад, благоухающий тончайшими оттенками разложения и гнили.

Сад пришёлся примарху по душе, напомнив ему о доме, и Мортарион решил задержаться, осмотрев его.

Примарх шёл по следам, заросшим побегами истекающего влагой мха. Они тянулись по земле, словно бороды горбатых и морщинистых стариков-деревьев. Жирные мухи гудели убаюкивающие напевы, перелетая с одного почерневшего цветка на другой, не собирая пыльцу, но с каждым тяжёлым приземлением они щедро делились отравой. Ядовитые газы поднимались над заросшими ряской прудами и прочными канатами из вонючей травки. Гниющие головы висели словно фрукты в саду из деревьев, чья кора была мягкой и белой, как кожа утопленника. С неухоженных грядок к мрачному небу тянулись гнилые руки и бессильно били по грызущим их мухам. Булькающие ручьи гнили вклинивались между лугами из вымокшего чёрного тростника. На полях квакали и щебетали причудливые существа. Маленькие жирные твари сверлили его сверкающими глазами и хихикали, не скрывая насмешки. Среди украшенных утёсов разносилось карканье и хлопанье крыльев чёрных птиц, истекающих тлетворной жижей.

Мортарион бродил по лужайкам, рощам и топям этого сада. Он шёл бесцельно, не отдавая предпочтения ни одной тропе. Сквозь туман пробивались лучи неподвижного тошнотворно-зелёного солнца, раздувшегося и жаркого, словно охваченная в ночи лихорадкой жертва. Время ускользало, то становясь густым, как мокрота, то распадаясь на мелькающие мгновения, текущие, как кровь. Так могли пройти годы.

Мортарион никогда не шёл дважды по одному пути, никогда не видел дважды одно и то же зрелище, но тут было столько чудес. И всё это время его тело было под угрозой, но это не тревожило примарха. Его тело так привыкло к болезням. Микробы и споры всех мастей пытались угнездиться в его коже, а нос щипали вновь и вновь возвращающиеся вирусы. Но ничто не могло умертвить идеальную плоть Мортариона, свободного от заразы даже когда гниль наполняла всё вокруг. Кислотная роса разъедала его одежду, отслаивающуюся и падающую, пока на Мортарионе не осталось ничего, кроме вымазавшей его с головы до пят грязи. Но в саду он не чувствовал стыда. Здесь было его место. Мортарион был спокоен, пусть его и покинул покой пробуждения, сменившийся вечным спутником – глоущей его злобой. Примарх радовался тяжёлому жару солнца, восхищался изобилием роста вокруг. Он вспоминал другую жизнь, иное время на службе второму отцу, который хотел остановить всё гниение и обновление. Теперь, увидев всё величие и плодородие такого разложения, Мортарион не понимал, как вообще мог верить в постоянство вселенной. Перед лицом энтропии миф о превосходстве людей был лишь шуткой, и потому Мортарион хохотал, долго и надрывно.

Его веселье оборвал далёкий плач.

Смех примарха затих. Мортарион давно приучил свои сердца к горю, он упивался скорбями. Пусть его собственный мрачный стоицизм и был неестественным, теперь примарх презирал тех, кто страдал. Горе было естественным состоянием людей, и его нельзя было отринуть, а уж тем более смыть слезами. Но отчаяние в плаче было таким сильным, что затронуло частицу примарха, давно скрывшуюся под струпьями. Человеческое сострадание. Человеческая нужда. Понимание и забота о боли других. Мортарион вспомнил, как в деревнях женщины оплакивали своих забранных детей. Вспомнил туманные ущелья и как сильно хотел покончить с этой болью.

Не размышляя, Мортарион пошёл сквозь сырые дебри, спускаясь с холма. Наконец, колючие кусты закончились, и примарху открылась ложбина. Когда-то там были искусственные руины, а возможно святилище, но камни были разбросаны и втоптаны в грязь, а земля взбита так сильно, что подножие ложбины превратилось в топь, наполненную дрожащей и тёмной как земля водой.

И в этой скромной ванной сидело огромное существо - гигант, толстый как обжора, чья руки неутолимый голод сделал широкими как подушки, а брюхо - большим, как матрас. С головой круглой и сплюснутой, как изголовье, вбитое в старую потрёпанную мебель. Кожа была покрыта трещинами, мучительными язвами и сыпью, истекающей гноем и кишасей клещами. На груди кожа полностью разложилось, открыв сереющие мускулы. Огромная дыра виднелась в животе, где в пещере из рёбер играли и дрались за клочья гнилой плоти крошечные паразиты - миниатюрные подобия самого гиганта.

То был демон, подумал Мортарион, демон Нургла. Его не тревожило ни слово «демон», ни имя «Нургл». Чумной бог был его господином, вспомнил примарх, принятым в мгновение отчаяния. Но это не беспокоило его. Так просто было.

Впрочем, этот демон был другим. Мортариону прежде случалось иметь дела с такими созданиями, сражаться как вместе с ними, так и против них. Они были капризными, но общительными, и смеялись, убивая, фыркали, выпуская яды, и наслаждались, когда чернела и гнила смертная плоть. Этот был иным, ведь он сидел, скрыв за тучными руками лицо, а его рога печально поникли. Демон был таким огромным, что его голова висела на уровне края ложбины. Он был достаточно сильным, чтобы навредить Мортариону, если захочет, но примарх никогда не видел, чтобы демоны так плакали. Любопытство пересилило осторожность.

- О, деемон, - заговорил примарх, растянув звук, чтобы было семь букв, ведь в семи - сила. - Чего плачешь?

Чудовище содрогнулось. Не услышавший, как подошёл Мортарион, демон ощутил стыд и пытался скрыть от него скорбь, размазывая гнилые слёзы, прочищая глотку и моргая затуманенными глазами, чтобы очистить их.

- **Разве ты не слышал о горе Ку'гата?** - пробормотал гигант.

- Ку'гат? Думаю, я слышал это имя.

Демон высморкался в руку с долгим грохотом, который сделал бы честь пушке, а затем размазал соплю по жёсткой шкуре. Вытерев глаза жирными руками, Ку'гат важно кивнул.

- **Разумеется, владыка Мортарион, ведь мы сражались вместе много раз. Мы - союзники, ты и я.**

- Не припоминаю такого... - подозрительно прошипел Мортарион.

Ку'гат переместил свой вес, и земля содрогнулась. Огромная голова демона повернулась к примарху, и его гнилая диафрагма раздулась, втягивая воздух.

- **Ах!** - воскликнул гигант, когда осознание прошло сквозь горе. - **Это потому, что так ещё не произошло. Но будет, о да, будет. Время здесь не имеет значения.**

Для Мортариона это имело смысл. Даже забыв так многое, он понимал такие вещи так же хорошо, как себя.

- Вижу. В таком случае, мы друзья?

- **Настолько, насколько можем быть,** - кивнул демон.

- Тогда скажи мне, почему ты плачешь, Ку'гат?

- **Дар нашего хозяина - прекращение страданий,** - гигант сложил руки на коленях и уставился на них. - **Фаталисты, пессимисты, реалисты - все, кто признаёт неизбежность горя, перестают тревожиться о нём, если принимают волю нашего дедули. Наш хозяин несёт радость, избавляя от скорби.**

- Но ты всё ещё полон горя.

- **Как это верно, слишком верно!** - вспомнив об этом, Ку'гат снова зарыдал.

- Но почему?

- **Дело в том, как я появился на свет...** - тяжело сглотнул демон. - **Тогда наш владыка трудился в своём особняке,** - Ку'гат махнул дряблой лапой, показывая куда-то на восток, - **и создавал величайшую чуму, которую когда-либо узнают. Но она так и не увидела свет. Тогда я был лишь клещом, нургликом, существом не больше твоей ладони. Я упал в котёл и выпил его до дна. Столь сильным было варево, что я рос и раздувался и так стал тем, что ты видишь.**

- Значит, наш повелитель ненавидит тебя?

- **Нет, нет, нет!** - возмущённо взревел Ку'гат, услышав такое богохульство. - **Напротив. Он любит меня, и это ещё хуже!!!** - демон вновь зарыдал.

- Я тоже принёс скорбь своему отцу, но рад этому, ведь я ненавижу Его.

- **Значит тебе повезло больше. У тебя есть цель, примарх, и пусть больше нет отца, но есть любящий дедушка. Кто же не знает о великом Мортарионе? О, какой радостью наполнился сад, когда ты обратился к нашему господину,** - Ку'гат облизнул жирные губы шершавым языком. - **Скажи мне, избранный. Зачем ты здесь, а не там, где трудишься во имя Папаши Нургла?**

- Я и не здесь, а в своей лаборатории, - возразил Мортарион, и к нему вновь пришли воспоминания. - Я искал... что-то, - он нахмурился. - Но не могу вспомнить что. Машины перегрелись. Я очнулся уже здесь. Странно... не думал, что я всё ещё могу видеть сны.

- **Ты и не видишь сон!** - весело хлопнул ладонями Ку'гат. - **Ты пришёл в царство душ. Принятое тобой здесь обличье - твоя сущность, Мортарион, и ты перешёл из царства плоти во Владения Хаоса. Ты - колдун.**

- Это не магия, а наука, - с угрозой возразил примарх. - Я не запятнан колдовством. Мой замысел совершен лишь чистым разумом. Я в своей лаборатории.
- **Действительно?**
- Да.
- **В мире, который зовут Чумной Планетой?**
- Да.
- **Мире, изменённой твоей волей,** - поднял брови Ку'гат.
- Мире, изменённом моими усилиями.
- **Неужели? Разве ты использовал машины и рабов? Разве ты копал и рыл, сажал и растил?**
- Нет, - возразил Мортарион. - Я использовал священные искусства нумерологии, чьи симпатические математические исчисления могут изменять форму творений.
- **Звучит как магия.**
- Это. Не. Магия.
- **Да как хочешь,** - пожал плечами демон, - **и где же мы с тобой?**
- В проекции моего разума, вот и всё, - огляделся Мортарион. - Истинная природа Дедушки Нургла непознаваема, а этот сад слишком обыденный, чтобы вместить его сущность. Сад - просто метафора, лишь попытка ограниченного разума объять непознаваемое и познать необъятное.
- **Значит, ты это создал?**
- Если бы это было настоящим, то я не смог бы создать сад. Но он не настоящий, так что можно сказать, да...
- **Я - настоящий. Сад - настоящий. Раз ты создал его, то благодаря магии. Ты - колдун,** - честно сказал Ку'гат.
- Я - манипулятор варпа, пользующийся нумерологическими истинами.
- **Колдун, колдун, колдун!** - захохотал демон.
- Я не буду спорить со сном.
- **Это не сон, друг мой. Скажи мне, ты помнишь, зачем сюда пришёл?**
- Признаюсь, что нет.
- **Тогда это скажу я, ведь Дедушка знает, а я знаю всё, что знает Дедушка. Ты ищешь своего отца. Своего первого отца. Колдуна, поработившего тебя.**
- Да, - с внезапно пришедшей ясностью согласился Мортарион.
- **Да. Но так ты никогда его не найдёшь. Ты должен измениться.**

Ку'гат хлопнул в ладони и размял руки, а затем с невероятной скоростью схватил Мортариона и сдвинул его, придавая форму плоти. Демон напевал, наполняя примарха дарами, а Мортарион был слишком изумлён и ничего не мог сделать, даже если бы захотел. Воздух выбило из лёгких и выжало через голосовые связки в звучном и музыкальном хрипе. Затрещали кости, потекла плоть. Приятное лицо обмякло и потекло, принимая новые черты. Это было мукой, но Мортарион терпел её, помня, что жизнь – боль.

Когда же Ку'гат закончил, то поставил Мортариона на край ложбины. Примарх стал выше, сильнее, облачившись в доспехи и сжимая в руках оружие. Кровь обжигали терзающие его энергии, а на искажённом, изуродованном болезнью лице сомкнулась дыхательная маска, наполняющая лёгкие приятными ядовитыми парами.

- Меня уже преображали, – заговорил Мортарион, и голос его прозвучал глухо сквозь маску. – Так я стал тем, кто я есть. Это сделал со мной не ты.

- Возможно, что это сделал с тобой я. Возможно, это случилось с тобой в первый раз. А может быть, во второй. Или же всё это – лишь воспоминание. Быть может это и первый, и второй раз одновременно или же ты – другой Мортарион, пришедший сюда не по тому пути, который помнишь. В этом царстве возможно всё, ибо ты стоишь на пересечении всех реальностей, в Царстве Хаоса. Здесь истинны все возможности и возможны все истины.

- Варп, – моргнул Мортарион. – Я не могу выжить в нём. Или могу? – проснулось ещё одно воспоминание. Он понял, что может выжить. Уже выжил.

- Если захочешь, – усмехнулся в кулак Ку'гат. – Это варп, и это не варп, – гигант склонился, чтобы оценить плод рук своих, и нахмурился. – Прости, мы кое-что упустили, – он развернул Мортариона, ударил по спине и когти глубоко впились внутрь, вцепились и потянули. Примарх закричал, когда из его плоти вырвались и взмахнули широкие крылья, – Вот. Всё так, как и должно быть. Лети, юный Мортарион, и настигни добычу, которую так жаждешь. Он здесь, в этом саду. Дедушка Нургл даёт его тебе. Таков дар за твою преданность.

Мортарион ударил мушинными крыльями и поднялся в парной воздух. С каждым взмахом он больше вспоминал о своей цели. Взлетев на сорок девять шагов примарх вспомнил, как семь раз по сто лет искал в варпе душу своего приёмного отца-владыки. Вспомнил, как создавал машины, которые позволят ему заглянуть во владения великих сил и найти того, кто поработил его. Поднявшись на семьдесят шагов, Мортарион вспомнил, как впервые вошёл в варп и ощутил ликование, учуяв среди бурлящих приливов Эмпирей душу приёмного отца, вспомнил бесконечные годы охоты среди равнин из живого стекла и воющих песков, среди кровавых пустошей, что рассыпались, менялись и бесконечно возникали вновь в том же виде...

Безымянная раса первого отца была могучей и в жизни, и в смерти. Колдун бежал, веками скрываясь от Мортариона, но он не был достаточно силён, чтобы избавиться от мстительного приёмного сына.

- Да! Да! Я помню, помню!

Теперь Мортарион видел, что сам Нургл отправил его в сад, чтобы дать отдых измученной душе и позволить ощутить благодарность за грядущий дар. Так добр был Дедушка. Вознёсшись на семьсот шагов, он поднялся над смрадными болотами и зарослями лесов, увидев особняк Нургла – рассыпающийся дом, что был больше иных миров, а в залах своих заключал вселенные изумительных страданий.

На горизонте сверкнул свет – пламя души, излучавшей панику, которую Мортарион ощутил как пикантный вкус прокисшего вина. Он высоко воздел косу, благодаря Чумного Бога, и полетел над землёй за бегущим отцом. Скоро. Скоро принесут плоды сотни лет трудов. Свет души приёмного отца мерцал и дрожал. Жизнь на том свете была опасной. На ветрах иного мира кишели и кружили стаи душ. Одни могли вернуться во плоть, а другие становились чем-то большим или меньшим, чем были, но гораздо больше было тех, кого рвали на части прожорливые хищники варпа. Другие просто исчезали. Но не приёмный отец, ибо его род чужаков был наполнен силой Эмпирей. Он остался собой. Такое могущество было редким. Пусть Мортарион истребил ксеносов, их души остались в варпе.

Примарх мчался вслед за добычей, и торжество придавало ему невероятную скорость. Пульсирующий свет души его приёмного отца окрашивал в оттенки бронзы мрачные болота. Таково было могущество, требующееся, чтобы так долго не позволять сущности распасться. Оно было бесполезно, ведь скоро Мортарион настигнет отца и воплотит его страхи.

В одно мгновение душа мчалась вперёд с головокружительной скоростью призрака, а затем стусилась в подобие своего бывшего тела и заковыляла через топь на дрожащих ногах. Примарх прыгнул, опускаясь позади. Призрачное лицо чужака повернулось к нему, и душа сжалась в синий огонёк, устремляясь прочь. Тщетно. Теперь от Мортариона было не уйти.

Говорят, что если Сад Нургла существует, то он так огромен, что бескраен. Однако погоня всё равно привела их к самому краю сада – месту, где заливные луга уступали бесконечности бурлящей энергии. Но между ними не было чёткой границы. У Сада было извилистое побережье с бухтами и океанами там, где его захлёстывало море душ, и длинными впивающимися в него косами. За оспариваемой территорией парили острова. Дальше всех высилось одинокое дерево, с чьих тяжёлых ветвей свисали висельники. Там владения Нургла заканчивались в одном смысле, но не в иных. Если обернуться и перевернуться, то местность казалось иной. Другой она предстала бы и глазам новых наблюдателей. А с определённой точки зрения этого места вообще никогда не было. Далеко на не-горизонте сиял обжигающий свет – свет чистый и неугасимый. Мортарион прикрывал от него глаза.

Излучающая импульсы ужаса душа приёмного отца Мортариона спрыгнула с края владений Нургла и закричала, радуясь свободе. Примарх позволил этому продолжаться несколько мгновений, а затем в самую последнюю секунду ловко подцепил косою душу на крючок и потянул к себе. Ликование сменилось отчаянием. Спорыми и лёгкими ударами Безмолвия Мортарион выпотрошил вопящую сущность отца, оставив лишь мерцающие клочья. Затем он начал шарить костлявой рукой по карманам мантии, пока, наконец, не нашёл флягу, крышка которой сама по себе отвинтилась и упала на пожухшую траву.словно ребёнок, собирающий тину из пруда, примарх поймал колбой все сияющие осколки, пока не осталось ни огонька. Затем он положил косу, поднял крышку и плотно завинтил. Поднял к глазам и увидел внутри крошечное кричащее лицо, на мгновение воплотившееся, а потом разорванное мукой.

- Когда-то давным-давно Император похитил у меня победу над тобой, – усмехнулся Мортарион. – Наконец-то я отомстил. Теперь ты – моя игрушка, а эта крошечная темница под стать той, что ты дал мне. Бесконечные муки – расплата за твою жестокость.

Сквозь эмпирей прошла дымка, а затем появились дыры. Сад становился всё менее реальным и погружался в круговорот варпа, когда мысли Мортариона обратились к иным делам. Исчезающие заросли и бурлящую вечность сменил зал из чёрного камня, заставленный алхимическими приборами и гудящими машинами, вокруг которых металась молнии. К примарху вернулись в полной мере память и личность, а вместе с ними – стократ более сильная горечь. Прежде, чем варп исчез из виду, он

посмотрел на далёкой горящий свет и поклялся:

- Однажды, отец, я приду и за тобой.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Дедушкин_подарок_-_Grandfather%27s_Gift_\(рассказ\)&oldid=25001](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Дедушкин_подарок_-_Grandfather%27s_Gift_(рассказ)&oldid=25001)

Эта страница в последний раз была отредактирована 18 апреля 2024 в 07:54.